

— В основном да. Ну сами посудите: разве можно было затащить бильярд в обычную квартиру? Он, рассказывали, будто бы сейчас в Суханово — в Доме творчества художников. А где остальное, одному богу известно.

— Ирина Александровна! — перебила Дальскую Серафима Васильевна. — Но ведь самое ценное Шалыпины все же забрали, покидая дом на Новинском?

— Естественно. В их квартире на Кутузовском негде было повернуться: сундук на сундуке до потолка. Вещами были забиты и все антресоли. А сколько было картин...

— Драгоценности... — подсказал я.

Дальская вдруг резко повернулась ко мне и, смутившись, тихо промолвила:

— Само собой разумеется. Много серебра, антиквариата. У Ирины Федоровны были изумительные кольца, броши, колечки. Показывала она мне и печатку Федора Ивановича с драгоценными камнями.

— И все это исчезло, — заключила Серафима Васильевна.

— Как в воду кануло, — подхватила Дальская и добавила: — Лично я ничего в шкафу, где она хранила бриллианты, не обнаружила. Ну, помните, когда мы брали одежду для похорон?

— Еще бы! — ответила Фадеева. — Как такое забудешь. Мне вот только неясно, почему именно Пашков всем управлял?

— Он же был назначен душеприказчиком.

— Но не наследником, — подчеркнула Серафима Васильевна.

— Я его никогда раньше не видела в квартире Ирины Федоровны. Когда от нее же узнала, что она назначила Пашкова душеприказчиком, то удивилась: «Почему именно он?» — «Ну ведь душеприказ-

Частное расследование

Александр АРЦИБАШЕВ

Бриллианты Шалыпина

Раб. трибуна. — 1990. — 11 сент.

чик, граждане, любимое ее словечко, — ответила она, — это не наследник. Его обязанность: только похоронить покойника и вызвать родственников. — «Боюсь, как бы все не уплыло за кордон...» — предостерегла я ее. Так оно, похоже, и вышло...

— И сама смерть Ирины Федоровны — загадка, — как бы между прочим заметила Фадеева. — Я ведь ездила тогда в морг одевать покойницу. Ее привезли после в МОНИКИ. А там у меня знакомая патолог, кандидат наук. Случайно с ней встретилась. «Вы что, спрашивает меня, хорошо знали покойницу?» — «Да, отвечая, дружили, недоумевая только вот: неожиданно все как-то произошло... У нее был рак?» — «Нет, не рак». — «Тогда, наверное, что-то с легкими? Она жаловалась...» — «Нет, с легкими было все в порядке, сердце не выдержало во время операции», — сказала врач. — «А зачем тогда было вообще ее резать?» — спросила я. — «Ничего не могу ответить», — услышала в ответ, — оперировали-то не мы...

— Малов наверняка неспроста крутился вокруг Ирины Федоровны, — задумчиво произнесла Серафима Васильевна.

— Мне этот доктор Малов всегда казался подозрительной личностью. Ну какая, извините, может быть любовь к старухе? Да если он к тому же еще и женат. Обручальные кольца-то Федора Ивановича

и Иолы Игнатьевны — у него. Это всем известно. А может, и бриллианты там же?

— Поди узнай... — отозвалась Серафима Васильевна.

За разговором собеседники как будто забыли про меня, во всяком случае никто ни о чем не расспрашивал, и я был вполне доволен этим.

— У нее ведь было много икон. Причем древних... А в музей ни одна не попала.

— И их кто-то облюбовал. На минуту обе замолчали.

— Ирина Александровна! А вам приходилось бывать в гостях у Пашкова? — задала новый вопрос Фадеева.

— Квартира — дворец! В самом центре Москвы. Не знаю, правда или нет, но он будто бы купил еще дом в Щелькове — неподалеку от усадьбы Островского.

Нет, Пашков тут ни при чем... Пал Палыч порядочный человек. Все нити ведут к Малову. Кстати, он жив?

Серафима Васильевна почему-то многозначительно посмотрела в мою сторону и сказала:

— Ходили слухи, будто бы умер...

— Да? И мне об этом кто-то говорил, — вздохнула Дальская.

— Ключи от квартиры Ирины Федоровны были ведь у Малова, не так ли?

— А не у Пашкова? — подняла удивленно брови хозяйка.

— Может, и у Пашкова. Я посмотрел на часы. Время близилось к полуночи, пора было уходить, но самому не хотелось обрывать интересный разговор.

— Тогда было все законно, — продолжала меж тем Дальская. — Пришли на квартиру с двумя милиционерами. Оба стояли рядом и следили за каждым движением. «Что взяли?» — «Платье», — показываю им. «А это?» — «Штаны, платочек...» и так каждую вещь. А уж после похорон Ирины Федоровны меня в квартиру не допустили. Командовали всем Пашков и Савченко. Суегился вокруг Попов, вынося на лестничную площадку то бумаги, то какие-то ящики... Ему вроде холодно, «Розенлев» перепал — Пал Палыч пожаловал. Доволен был подарком несказанно! Ну а когда приехали из Рима Федор Федорович и Татьяна Федоровна, брать было уже почти нечего.

ВЫИДЯ из двора, Серафима Васильевна спросила меня: — Ну как, не напрасно сходил? — Думаю, нет, — ответил я. — Лишний раз убедился, что дело тут нечисто.

— Еще бы... А вы обратили внимание, как Дальская встретилась при упоминании о Малове?

— Да.

— Малова они считают мертвым. Он вроде долго лежал в больнице, но выкараб-

кался. Об этом мало кто знает. Так вот сейчас вся эта компания заверяет, что ценности украл именно доктор.

— А вы иного мнения?

— Малов — пешка, тут действовали фигуры посильнее...

Дома я еще раз прокрутил в памяти все, что узнал о похищенном наследстве. Бриллианты, конечно, выкрасть было нетрудно. Подумаешь, какой-то мешочек! Но для этого надо было знать, где он лежит, и иметь от квартиры ключи. Что стоило тому же Малову после того, как отвез Ирину Федоровну в больницу, возвратиться на Кутузовский проспект и, открыв квартиру, забрать ценности? Он ничем не рисковал. Соседи его хорошо знали, были наверняка в курсе их отношений с Ириной Федоровной. Случись ему столкнуться той ночью с кем-либо из них, никто не обратил бы на него внимания. ...Ну а почему Ирина Федоровна так боялась Пашкова? Чувствовала его двуличие?.. Зачем тогда назначила душеприказчиком?.. Ничего не ясно и с секретарем покойной — Поповым. Он тоже часто бывал в квартире и в конце концов мог подобрать запасные ключи... Так кто же?

Помимо бриллиантов, большую ценность представляли и многие другие исчезнувшие шалыпинские вещи. Каминные часы ведь под мышкой не унесешь. Так же, как и картины, посуду, скульптуры, библиотеку, хрустальные вазы, старинный письменный стол, шкафы... Значит, приезжали за всем этим на машине. А тут таись, не таись — кто-нибудь непременно видел, как грузили вещи. Почему же не заявили в милицию?

Прежде чем встретиться с Маловым, Поповым и Пашковым, надо было познакомиться с самим завещанием Ирины Федоровны. Как достать его? От Серафимы Васильевны я уже знал, что оно должно храниться в нотариальной конторе № 11 на Кутузовском проспекте.

Утром на следующий день я позвонил Серафиме Васильевне, и мы отправились к нотариусу. В том доме, где рань-

ше располагалась контора, находилось совсем другое учреждение. Стали расспрашивать прохожих. На наше счастье какая-то старушка подсказала нам, что нотариальную контору переселили на проспект Калинина, и объяснила, как ее найти.

И вот заходим в дом старой постройки, что напротив ресторана «Арбат». Облезшие синие стены, выщербленный паркет, пыльные окна... Боже мой, в каком же жалком состоянии у нас государственные учреждения! Даже стула не сыщешь присесть. К двери с табличкой «старший государственный нотариус» — длинная очередь. Пристраиваемся в конце и ждем. Дело подвигается медленно, выпускают лишь по одному человеку. Наконец, попадаю к нотариусу (Серафиму Васильевну оставил на всякий случай в коридоре, чтобы не вызывать излишних подозрений). Как мог, объяснил старшему нотариусу Нине Аркадьевне Самсон цель своего визита. Мы прошли в отдельную комнату, и она попросила меня немного подождать здесь, пока отыщут завещание Ирины Федоровны.

«29 мая 1970 года...» .Всё мое имущество, какое ко дню смерти окажется мне принадлежащим, в чем бы таковое ни заключалось и где бы оно ни находилось, я завещаю брату моему Шалыпину Борису Федоровичу и сестрам — Шалыпиной Лидии Федоровне и Черновой Татьяне Федоровне в равных долях каждому...

— А разве описей вещей не прилагалась? — поднял я глаза на нотариуса.

— Нет, ничего больше не было, — заверила она.

— Но ведь когда Ирина Федоровна умерла, на ее квартиру должен был прийти нотариус и описать имущество.

— По закону так.

— И где же опись?

— Вероятно, в нотариальной конторе № 1. Бобров переулок знает?

— Нет, не приходилось бывать.

— Метро «Кировская», там спросите. Минуты две ходьбы.